

[Polaris]

И. ЛЮБИЧ-КОШУРОВ

ДЕРЕВО УДАВЛЕННИКОВ

Роман-малютка

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССXXII

Salamandra P.V.V.

**Иосаф
ЛЮБИЧ-КОШУРОВ**

ДЕРЕВО УДАВЛЕННИКОВ

Роман-малютка

Salamandra P.V.V.

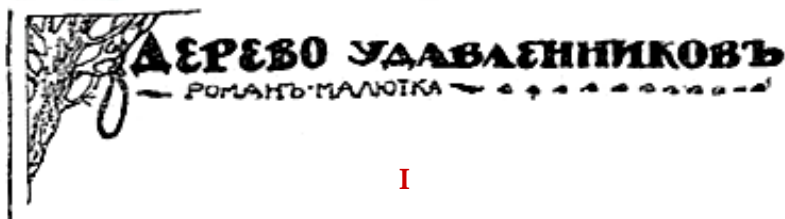
Любич-Кошуров И. А.

Дерево удушенных: Роман-малютка. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 32 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХХII).

Вампирическая графиня-«ведьма», точащая кровь живых, ее злобная челядь, ангелы и оживающие мертвецы-ревенанты... Затерянный на страницах одной из газет эпохи Гражданской войны, к читателю век спустя впервые возвращается крошечный готический шедевр – «роман-малютка» беллетриста, детского писателя и очеркиста И. А. Любича-Кошунова «Дерево удушенных».

ДЕРЕВО УДАВЛЕННИКОВ

Роман-малютка

I

«ВЕДЬМА»

Она покупала... кровь человеческую...

— Мне нужно всего несколько грамм... Вот столько, — говорила она.

И она показывала странный инструмент — нечто вроде шприца или насоса со стеклянным шарообразным резервуаром.

Этот шприц или насос, когда его прикладывали к телу, присасывался как пиявка... Первоначально чувствовалась боль, как от укуса комара. Но боль сейчас же проходила. Стеклянный резервуар начинал наполняться кровью.

Она платила по пятирублевому золотому... Сколько могло там поместиться, в этом стеклянном резервуаре? Он действительно был похож на живот чудовищного комара, и когда он становился совершенно красным, как огромный рубин, она говорила:

— Теперь получите ваши пять рублей.

Графиня, имевшая где-то на окраине собственный особняк, она ежедневно посещала то тот, то другой дом в этих кварталах, населенных беднотой, и здесь хорошо знали.

Ребятишки всерьез думали, что она ведьма. Так ее здесь звали.

Ведьма...

Она приезжала на своей лошади и коляске. На козлах сидел угрюмый бритый человек лет сорока или более, с нерусским лицом. — Француз? Англичанин? Немец?

Когда с ним пробовали заговаривать, он отрицательно качал головой и говорил что-то вроде: — «Ноп, нон».

Конечно, он не был русский!

Он привозил сюда свою хозяйку и отвозил ее обратно в ее особняк на краю города. Он знал, может быть, для чего она покупала кровь...

О, так жутко было думать об этом... Зачем, в самом деле, кровь этой женщине?

Она была уже старуха, седая, но проворная, юркая и стройная, как девушка.

II

КТО ОНА?

В одном из домов, которые она посещала, в грязном полутемном коридоре к ней раз подошла молоденькая девушка, совсем-совсем юная.

— Мадам, — позвала она ее тихо.

«Ведьма»... Боже мой, может быть, она и в самом деле была ведьма. Ведьма на ходу укладывала в ридикюль... Ну, вы знаете, что, — этого своего страшного комара с большим круглым животом.

Голос у девушки был глухой. Она шла вслед за ведьмой на расстоянии шага, опустив руки и перебирая пальцами.

Ну да, она боялась подойти к ней ближе!

Закрыв ридикюль и повесив его на руки, старуха к ней обернулась.

— Вам что угодно?

С полуоткрытым ртом, еле шевеля побелевшими губами, девушка стала ей говорить что-то... Ее глаза не мигали, голос стал совсем как шепот. Говорить громко вдруг не стало сил. И чем дальше, тем больше угасал голос.

Ведьма слушала ее, поглаживая свой ридикюль и наклонив голову немного вниз и немного в сторону. Одним глазом она смотрела на ридикюль, другим — на девушку.

Девушка, наконец, умолкла.

Ведьма кивнула головой и сказала:

— Хорошо, я принимаю ваше предложение. Жалование я вам дам. Да, я дам... Может быть, вы сейчас же и поедете ко мне?

— Да, — сказала девушка, все так же с полукрытым ртом и почти не шевеля губами.

Может быть, ей было пятнадцать лет...

Не больше. Она была босая в синей старенькой блузе без талии. Совсем ребенок. Волосы не были заплетены в косу и лежали кудрями на плечах.

— Пойдемте, — сказала ведьма.

И они уехали...

И после этого «ведьма» уже долго не появлялась в своей коляске со своим угрюмым кучером в этих кварталах, населенных беднотой.

III

«ИВОЛГА»

Вы хотите знать имя этой странной женщины, покупающей человеческую кровь, и имя девушки, которую она увезла с собой...

Девушку звали... Иволга.

Да, Иволга. Вы, может быть, видели когда-нибудь эту небольшую птичку с золотыми перьями. Такие же волосы были у девушки. Как золото.

Она жила на пустыре.

Не в том доме, куда «ведьма» приезжала за кровью, а на пустыре, находившемся неподалеку отсюда.

Пустырь сплошь зарос бурьяном, лопухами, лебедой, чертополохом и полынью. Когда-то там стоял дом, был пруд и сад. Но уже лет сорок тому назад дом сгорел, сад вырубили на дрова, а пруд затянуло илом. Остался один погреб. И там она жила, в этом погребе.

Отец ее нигде не служил, никаким делом не занимался.

Его считали помешанным. Он, видите ли, изобретал в этом погребе какой-то огонь, который можно зажечь в человеке, как электричество в фонаре. И тогда будто бы человек станет как бог и будет все знать...

Именно так про него рассказывала Иволга.

Но для этого у него не было денег.

Вам смешно?

И людям, слушавшим Иволгу, тоже было смешно. И они говорили ей много обидного.

И потому последние два года она избегала без особенной надобности показываться на улице.

Ей уж шел пятнадцатый год.

Но она «не поумнела»... Когда ее спрашивали про отца, она рассказывала все ту же сказку...

Да, да, когда-нибудь он зажжет в людях этот чудесный огонь.

Над ней смеялись. У ней вспыхивали лицо и глаза.

— Нет, он это сделает, — говорила она, вся красная от гнева и сжимая кулаки.

И потом убегала к себе на пустырь. Она стала со всеми дикая. Именно как иволга. Там, на пустыре, в зелени бурьяна, она хоронилась от людей со своими золотыми кудрями и с этой своей сказкой-мечтой о человеке-боге...

IV

ЕЕ ОТЕЦ

Человек в рваной разлетайке, в калошах на босу ногу и в старой измятой соломенной шляпе ходил по переулкам, прилегающим к пустырю, и спрашивал:

— Не встречали ли вы где-нибудь здесь вчера или сегодня девочки лет пятнадцати с рыжими волосами? Они у ней не заплетены в косу, но распущены по плечам. Как у ангела. И притом она босая и на ней синее платье вроде хитона.

Сумасшедший.

Да — Иволгин отец... Ему сказали уже, что Иволгу увезла к себе женщина, которая покупает человеческую кровь.

Но он до сих пор не слышал о такой женщине. И притом это было так невероятно.

Иного, однако, об Иволге ему никто не мог сообщить..

И под конец, когда он останавливал людей, идущих по улице, или подходил к тем, которые сидели у ворот па лавочках, и говорил все одни и те же слова о девушке, похожей на ангела, голос у него начал вздрагивать, и он не то, чтобы всхлипывал, но всхлипывало где-то внутри его, в самой его груди под его рваной разлетайкой.

Вечером он вернулся к себе.

Он зажег угли в глиняном черепке и, когда угли разгорелись, бросил на них щепотку какого-то порошка. Погреб наполнился клубами густого синего дыма.

Тогда он стал произносить нараспев странные, непонятные слова, нерусские слова, в которых было много гортанных звуков... Он призывал кого-то. Но он плакал внутри себя. Так же там, в нем, в его груди, всхлипывало, как раньше...

Вы скажете опять:

— Безумный.

Но тысячи людей верят в сны, в предсказания, в предчувствия, в появление двойников.

Он тоже верил. Он верил, что существуют слова, которыми можно призвать к себе духов злых или добрых, демонов или ангелов.

И ему уж чудились чьи-то глаза, мерцавшие тускло и мертвенно в волнах синего дыма.

Ангел или демон?

Гортанные звуки продолжали срываться с его губ.

МЕРТВЫЕ ГЛАЗА

Клубы дыма волновались перед ним и в них мерцали тускло, как серый день, не озаренный солнцем, чьи-то глаза, похожие на глаза мертвеца, который встал из гроба и смотрит, — но от этого не стал живым; они загорались и гасли.

И загорались снова.

И только эти глаза он и видел... Они были без лица.

Кто-то смотрел на него, но не показывал себя.

И вдруг клубы дыма заколыхались, как от ветра.

В погребѣ пронесся шум, неясный и смутный, как шепот.

И это действительно был шепот.

Мерцали, как серый день, полуживые глаза и, как шелест иссохших осенних мертвых листьев, был шепот.

Он наполнил весь подвал неясным шелестом. Он несся отовсюду:

— Ее кровь нужна нам... Да, да, она нужна нам. Наша жизнь оборвалась слишком рано и мы хотим жить. И будем жить. Вот почему ее кровь нужна нам. Ты не поймешь этого, потому что ты живешь. Но мы умерли, не испытав многого из того, что испытал ты. Мы ищем радостей любви, потому что нас целовала только смерть, преждевременная смерть. Нам нужна кровь, чтобы нас могли осязать и видеть живые. Ты хочешь знать, где твоя дочь — я не скажу тебе этого. Она

нужна нам. Мы будем пить из нее ее жизнь, чтобы самим стать живыми хоть на несколько мгновений.

Так шелестят листья, осенью падая с деревьев.

Печально и тихо.

Так мерцает серый, тусклый осенний день.

Все тише становился шепот и в полуживых глазах догорал тусклый осенний день.

И погас.

И умолк шепот.

Только клубы синего дыма волновались по-прежнему.

VI

У «ВЕДЬМЫ»

— Помните, что вы продали мне всю вашу кровь!

Эти слова Иволга слышала теперь каждый вечер.

Каждый вечер приходила к ней страшная женщина с кожаным ридикюлем. Руки обычно она держала сложенными на животе, и ридикюль у нее висел на левой руке на тоненькой стальной цепочке.

— Помните, что вы продали мне всю вашу кровь.

Она присаживалась к Иволге и открывала ридикюль.

Иволга отворачивала голову в сторону и прикусывала с краешка нижнюю губу.

Не глядя на ведьму, она протягивала ей руку. Быстро и ловко «ведьма» расстегивала у ней на рукаве кнопки и обнажала руку до локтя.

Так же быстро и ловко она оправляла рукав и застегивала кнопки после операции.

И говорила, вставал и вешая ридикюль на руку:

— Сейчас вам принесут ужин.

Прислуживала Иволге пожилая с бескровным лицом и потухшими глазами особа — может быть, приживалка, может быть, экономка, по имени Дарья Ивановна.

Под присмотром же этой Дарьи Ивановны Иволга гуляла по парку утром и после обеда. —

Ни в какое другое время выходить ей в парк не разрешалось.

Парк был большой, обнесенный кругом высоким глухим забором.

В девять часов Иволга должна была ложиться спать.

Вместе с нею в ее комнате укладывалась и Дарья Ивановна. На ночь Дарья Ивановна снимала только кофточку и лиф, ложась в кровать в чулках и юбке.

Среди ночи она исчезала куда-то.

Иволга обнаружила это в первую же ночь...

Проснувшись, она увидела, что кровать Дарьи Ивановны пуста.

Наверху, во втором этаже (Иволгу «ведьма» поместила в нижнем) слышно было, как хлопали дверями и ходили... И что-то там пели тихо и тоже тихо, чуть слышно звенели струны гитары или мандолины.

И так же было на вторую и на третью ночь...

VII

ТАЙНА

Спать, как спала она раньше, Иволга не могла с первого же дня своего поселения у «ведьмы». Каждый раз после операции с перекачиванием крови она впадала в состояние сонливости. Ложась потом после ужина в постель, она сразу теряла нить мыслей.

Но это не был сон... Сонливость переходила в забытие, прозрачное и холодное, как лед. Была какая-то именно ледяная оцепенелость в теле и вместе с тем какая-то болезненная, обостренная чуткость. Будил каждый звук, каждый малейший шорох.

Сначала ее мало интересовало, куда по ночам уходит Дарья Ивановна и что там у них делается наверху. Утром Дарья Ивановна обычно оказывалась на своем месте — в кровати под одеялом, натянутым до подбородка, лежащей навзничь и крепко спящей.

Под утро и сама Иволга засыпала более крепким, почти здоровым сном.

Но раз Дарья Ивановна из своего ночного путешествия возвратилась не так поздно, как обычно.

Иволга отчетливо слышала, как скрипнула дверь и потом половица. Мгновенье спустя она уже ясно, как сквозь стекло, увидела Дарью Ивановну. Она видела и слышала, но оцепенелость еще осталась в теле. Она не могла пошевелиться или сказать или крикнуть... Лед был в

ней и из этого льда она смотрела на Дарью Ивановну.

Дарья Ивановна было нагая... Совсем нагая. На голове был венок из черных смятых и обсыпавшихся роз. Сев на свою кровать, она прислонилась спиной к стене. Рот был полуоткрыт и искривлен трепещущей сладострастной улыбкой. Медленно она протянула вперед руки, и руки тряслись у ней.

И казалось, она видит кого-то и хочет привлечь к себе этими бессильными, трясущимися руками.

С одной стороны в углу рта пузырилась слюна, похожая на пену, и струйкой стекала на подбородок.

Иволге стало противно. Но то, что она увидела потом, заполнило ее ужасом.

Она увидела...

VIII

УДАВЛЕННИК

Она увидела человеческую фигуру, совершенно прозрачную, колыхавшуюся в дверях, как легкий туман.

Голова казалась белым облачком. Над высоким лбом дымились, струясь вверх, курчавые, тоже похожие на хлопья тумана, волосы.

Черты лица обозначались неясно, лицо было молочно-белое и сквозь него просвечивались предметы, находившиеся позади. Но на этом сквозном, как утренний тонкий пар, лице блестящие живые, полные огня глаза.

Призрак неслышно двигался по направлению к Дарье Ивановне.

Она ждала его, теперь бессильно уронив руки на кровать по сторонам тела ладонями наружу, запрокинув голову, полуприкрыв глаза, вся бледная, глядя на него из-под ресниц и улыбаясь полуоткрытым ртом безвольной, будто сгоревшей в охватившей ее страсти улыбкой.

Лицо призрака, по мере того, как он приближался к Дарье Ивановне, постепенно из молочно-белого становилось бледно-розовым — будто наливалось кровью или наполнялось светом. Будто далекая-далекая заря занималась в нем. Непонятная, неведомая, жуткая, как сама смерть, жизнь расцветала в нем!

Почти не двигая губами, голосом тихим, как затаенное дыхание, Дарья Ивановна прошептала:

— Иди, иди!

Что было дальше?

Новый ужас пахнул холодом на душу Иволге.

Она узнала это лицо с зачесанными вверх волнистыми, будто дымящимися волосами.

С год тому назад в чьем-то парке за городом повесился молодой человек.

С подругами она ходила его смотреть... Теперь она его видела опять...

Этого удушенника...

Удушенник... И он был здесь, около. И около него нагая женщина, страшная и вместе гадкая, шептала ему слова любви...

IX

«ДЕРЕВО УДАВЛЕННИКОВ»

Что было дальше?

Ничего.

Обморок ли, или новое глубокое забытие? Или... Или было все это сон, больная уродливая греза?

Сразу в ней вдруг стало темно: сознание померкло. Тьма воцарилась в ней. Ужас, наполнявший ее, раздавил ее и растоптал, бросил в пучину мрака, которая в первые мгновенья казалась полной образов, тоже сотканных из мрака, отвратительных и страшных, полной отзвуков слов и утасаживающих мыслей...

И потом она уж ничего не видела и не слышала.

Солнце светило ярко в окно, когда она очнулась. Было утро. Дарья Ивановна лежала навзничь на своей кровати, заложив обнаженные руки за голову. Но теперь она была уже в рубашке. Венка из черных роз на голове не было. Она спала.

Обычно до сих пор она просыпалась раньше Иволги.

Дверь в комнату была открыта. Во всем доме была тишина.

Иволга быстро оделась и вышла в парк.

Застегивая на ходу кофточку, непричесанная, она сперва шла по аллее, потом побежала.

Она решила, что сегодня же непременно уйдет отсюда. Переберется как-нибудь через забор и попробует найти дорогу домой.

Конечно, это было глупо, что она не запомнила дороги, когда ее сюда везли.

Она опять пошла шагом, перекинув волосы через плечо на грудь и заплетая их в косу. «Ведьма» требовала, чтобы волосы у ней были непременно заплетены. Теперь, раз она решила бежать, можно было обойтись без этого. Но она сейчас ни о чем другом не могла думать, как только о побеге. Она заплетала косу совсем машинально, не замечая, что делает.

— Конечно, это было глупо...

Она остановилась и встряхнула головой, чтобы перебросить косу назад, на спину... И дико вскрикнула...

Прямо перед ней у забора, над старой, зеленой от плесени скамьей, на натянувшейся туго веревке висел человек, без шапки, плешивый, с реденькой с сильной проседью бородкой. Глаза были широко открытые и тусклые, с неподвижно остановившимися зрачками. Губы потемнели. Подбородок упирался в грудь. Казалось, он смотрит исподлобья.

Он был мертв. Веревка плотно захлестнулась вокруг шеи. На скамейке лежала бумажка и на ней было что-то написано... Всего несколько слов. Скамейка стояла у дерева, разбитого молнией, без листьев, без верхушки, с обожженной корой. Черный, голый сук протягивался над скамьей. Он висел на этом суке.

«ДЕРЕВО УДАВЛЕННИКОВ»

Отбежав в сторону, она прижалась спиной к стволу старой липы и спрятала назади руки... И тоже крепко прижала их, растопырив пальцы, к шероховатой коре.

Отсюда она смотрела на *него*...

Золотые блики от солнца дрожали на ее лице, на платье и на песке у ее ног.

Она смотрела и на него и на это сожженное молнией, лишенное листьев дерево с расщепленным стволом.

Вся похолодевшая, бледная как воск, с остановившимся дыханием... Но между солнечных пятен, дрожавших на ее лице, незаметно проступал румянец. Побелевшие губы порозовели.

Она прижала обе руки к сердцу и не сводила глаз с дерева.

Губы медленно раздвинулись, блеснули ровные белые маленькие зубы и вместе с золотыми бликами от солнца в лице задрожала и заискрилась улыбка.

И она крикнула негромко:

— Знаю! Теперь знаю!

И побледнела опять.

Страшно и жутко смотрел *он* на нее исподлобья, мертвым взглядом.

Отвернув лицо в сторону и загораживаясь от *него* рукой, щурясь от солнца, потому что солнце било теперь ей прямо в лицо, она двинулась мимо *него* по аллее, направляясь к забору.

Она знала теперь, как ей выбраться отсюда...

Именно сюда, в этот парк, год тому назад бегала она с подругами смотреть удавленника.

Именно сюда!

Она узнала и дерево и скамейку.

И этот забор, утыканный вверху гвоздями.

В заборе была лазейка: две доски свободно раздвигались и можно было пройти, как в калитку.

Может, теперь эти доски забили гвоздями?

Она остановилась. Тогда же — когда она в прошлом году была здесь, в парк через ту же лазейку приходили и еще люди и кто-то сказал, что следует забить лазейку и спалить опаленное молнией дерево, потому что это уже пятый удавленник.

Теперь был и шестой...

Проник ли сюда этот несчастный человек через лазейку, или иным каким-нибудь путем?..

По ее соображениям, лазейка должна была находиться несколько в сторону, направо.

Она свернула вправо, сделала несколько шагов и остановилась опять...

Две доски в заборе были раздвинуты и на траве около сидел и курил трубку человек с бритым угрюмым нерусским лицом...

Кучер «ведьмы»...

ХІ

«ЖАБА»

Вынув изо рта трубку, он спросил:

— Вы одна? А где же Дарья Ивановна?

Он говорил плохо по-русски. Встав, он отступил поближе к забору — как раз против лазейки — и опять сунул в рот трубку.

Она не сразу поняла, что он говорит.

— А? — сказала она.

Он молчал и раскуривал трубку. И потом сказал, уже ее вынимая трубки и она закачалась у него во рту:

— Идите домой.

— Она спит, — ответила Иволга на его первый вопрос. — Пустите меня: я хочу отсюда!

Кажется, именно этого он от нее ожидал: она еще не окончила говорить, как он затряс отрицательно головой.

Снова вынув изо рта трубку, он крикнул:

— Идите домой! Никуда я вас не пущу!

И стал смотреть через нее в глубину аллеи и затем, приподнявшись на носки, замахал в ту сторону рукою. Он махал рукою не от себя, а к себе: кого-то он там видел на аллее и призывал к себе.

Иволга оглянулась и увидела Дарью Ивановну.

Дарья Ивановна бежала по аллее босая, в расстегнутом капоте.

Иволга боялась лягушек. Сейчас Дарья Ивановна была ей противна и гадка, как жаба, из тех, что по вечерам выходят на месяц в уеди-

ненных местах вместе с кольчатыми червями и улитками.

И она закричала вдруг, как если бы на шею к ней, или на спицу, или на руку прыгнула лягушка.

И закрыла лицо и глаза руками, съежившись вся, и вобрав голову в плечи и топоча ногами.

И продолжала кричать пронзительно и дико, не двигаясь с места и не отнимая рук от лица.

Потом метнулась в сторону. Но сзади уже шлепали босые ноги... Пальцы, показавшиеся ей холодными, как будто бы к пей действительно прилипла улитка, схватили ее за руку.

— Подлая гадина! — крикнула у ней над ухом Дарья Ивановна, зажимая ей рот ладонью. — Людвиг! Помогите мне!

Кучера звали Людвиг.

Он помог. Он поднял Иволгу на руки и понес ее назад по аллее. Он зажимал ей рот большой своей с грубой кожей и мозолями рукою, совсем почти закрывшей ей лицо.

Он быстро шел по аллее.

ХП

«СТАРАЯ КНИГА»

Дальше я буду очень краток.

Позвольте мне погасить эту маленькую жизнь, призрачно мелькавшую перед вами на этих страницах. Маленький день этой маленькой драмы близится к занавесу.

Иволгу заперли в мезонине. Под самой крышей.

Здесь помещалась небольшая библиотека сотни в две томов. Странные книги... Книги «ведьмы». Я не стану перечислять их названий. Многие из них были старые-старые, в заплесневевших кожаных переплетах. В библиотеке было сыро. Бумага, которой был оклеен низкий потолок, отстала и обвисла. Старые книги были как молчаливые и зловещие совы.

И вот именно тут... Тут Иволга узнала многое, во втором этаже, тихое пение, звуки струн.

Правду ли говорили старые книги, которые она нашла в библиотеке, или бредили они из страницы в страницу? Читать их было все равно, что в полуночный час войти в комнату, в которой в трубе завывает ветер. Именно жуткие, как завывание ветра в трубе, бродили мысли по их плотным шероховатым грязно-синим страницам.

Ветер. Но когда ветер завывает в трубе, не чудится разве в этом завывании голос чьей-то души, не знающей пристанища, звучащий в небесах, припадающий к земле в тоске и рыданиях, и опять и тоже в рыданиях унесшейся в высь...

Тоска, наполняющая весь мир и нигде в мире не находящая пристанища. Голос ада, не находящий отклика ни на земле, ни в небе.

Внизу во втором этаже хлопали двери, будто сквозь слезы звенящими каплями смеялась ман-долина, а в книгах было написано:

Можно...

Можно любить умерших, можно иметь с ними плотские сношения, можно обнимать их и целовать.

Ибо самоубийцы, те, которые умерли рано, не вкусив от радостей жизни, томятся в тишине и мраке могилы тоской неудовлетворенной страсти, ибо они желают нечеловеческим желанием...

Вот что узнала она из книг, которые нашла в библиотеке.

А внизу, во втором этаже...

Ах, к этому бреду, который был в книгах, примешивались звуки, несшиеся сквозь пол снизу, из второго этажа. И было все это взятое вместе: книги и звуки, несшиеся из-под пола, как вой ветра в трубе в полуночный час.

И каждое утро являлась к ней «ведьма» за новой порцией крови. И с каждой каплей крови уходили силы и бледнела жизнь.

Да, мой маленький роман близится к закату...

Однажды к ее отцу на пустырь пришел Людвиг и сказал:

— Вашей дочери плохо, я приехал за вами.

ХІІІ

Конец... Ну да, конец.

Она умерла.

С формальной стороны нельзя было ни к чему придраться. Было свидетельство от врача. Умерла от скоротечной чахотки. Служила в качестве горничной.

Схоронили.

На другой день... Но вам, может быть, неинтересно читать дальше? А если она не умерла?

На другой день после похорон ее отец прибежал к прокурору.

Он стучал в грудь кулаками и между его пальцев было несколько седых волос, которые он вырвал у себя из головы. Ибо безгранично было его отчаяние.

Он кричал, что его дочь жива. Сегодняшнюю ночь она явилась ему и рассказала, что находится в летаргическом сне и нужно разрыть могилу.

Тогда она оживет. Проснется.

И стучал в грудь кулаками.

И говорил дальше. «Ведьма» выкачивала из нее кровь, чтобы кропить проклятое дерево в ее парке, на котором повесилось столько людей. «Ведьма» знает, как дать покойникам возможность на некоторое время облечься плотью. Он сам всем этим давно интересовался. Можно иметь плотское общение с умершими. Устраивать для них пирушки. Иметь любовниц и любовников «с того света».

Прямо от прокурора его отвезли в сумасшедший дом.

Он там и сейчас находится.

Я не выдумал ничего в этом маленьком романе.

Ничего не прибавляя, я рассказал вам только то, что каждый день, плача, рассказывает этот сумасшедший старик своей сиделке.

Каждый день утром, когда она к нему приходит.

Он говорит о том, что если бы у него были средства, то он зажег бы огонь всеведения в людях, как электричество в фонаре.

И тогда люди стали бы как боги: для них, озаренных светом, горящим вольно в душах ангелов, открылись бы все тайны.

Но у него нет средств. Средства хотела добыть его дочь, которая вместе с тем была и ангел, так как у ней золотые волосы и она носила голубой хитон. Она предалась «ведьме». Она в своем голубом хитоне, со своими золотыми волосами была как голубой летний день, озаренный солнцем.

И теперь наступили сумерки. День померк. День сошел в могилу.

Каждый день он говорит это по утрам, когда приходит сиделка.

И плачет... О, как он плачет.

Слезы помешанного — они неутолимы до смерти. Они вечны, как вечно безумие.

Бедный старик... Бедный златокудрый ангел, хотевший купить людям всеведение ценою своей крови.

А если... А если она жива!..

С. Мабилл-Коккурот

«Роман-малютка» беллетриста, детского писателя, очеркиста Иоасафа Ариановича Любича-Кошурова (1872-1934/37) «Дерево удавленников» был впервые напечатан в *Газете для всех* (Москва) в №№ 454 (21 янв.) – 488 (6/19 марта) за 1918 г. Публикуется без сокращений по указанному изданию. В тексте исправлены очевидные опечатки, орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.